18+

Арина Лорель

# *Не играй эту мелодию*

Арина Лорель

# Не играй эту мелодию

«Издательские решения»

**Лорель А.**

Не играй эту мелодию / А. Лорель — «Издательские решения»,

Пианист Элиан Вуд три месяца не подходит к роялю. В его голове звучит чужой голос, а старая шкатулка с нотами ведёт его в Корнуолл — к руинам дома, где погибла бабушка. Там Элиан узнаёт, что его память когда-то была стёрта, а голос, который он считал безумием, — часть его самого. Роман о музыке, памяти и попытке собрать себя заново.

© Лорель А.
© Издательские решения

# Содержание

Не играй эту мелодию 6
— — Часть первая. Дождь 7
Часть вторая. Память 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

# Не играй эту мелодию

## Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-5541-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Не играй эту мелодию

***Внимание!***

Роман затрагивает темы, которые могут быть болезненны для некоторых читателей: психические расстройства, галлюцинации, диссоциация; стирание памяти и манипуляции с сознанием; психологическое насилие в семье; утрата близких, пожар, смерть. Это художественный вымысел. Если эти темы для вас травматичны, пожалуйста, позаботьтесь о себе.

# — — Часть первая. Дождь

Дождь в Лондоне в середине октября — это не погода. Это состояние материи. Он не льёт и не моросит, он просто есть, как воздух или гравитация. Он просачивается сквозь швы твидового пальто, оседает микроскопическими бисеринками на ресницах и делает все звуки города ватными, приглушёнными, словно кто-то накрыл мир толстым слоем влажной шерсти.

Элиан Вуд сидел у окна в кафе «Маргарита» на Кингс-роуд и смотрел, как вода стекает по стеклу. Крупные капли собирались в дорожки, прокладывая извилистые маршруты к подоконнику, и Элиан ловил себя на том, что мысленно ставит на них ставки: эта доползёт первой, эта застрянет в грязи. Он провёл здесь уже два часа. Официантка перестала подходить к нему после пятого заказанного эспрессо, оставляя его в покое с его блокнотом и вечной, невыносимой тишиной в голове.

На вид ему было около тридцати пяти. Высокий, с резкими, почти хирургическими чертами лица, он обладал той породистой худобой, которая свойственна людям, забывающим поесть. Светлые, выгоревшие до пепельного оттенка волосы были зачёсаны назад, открывая высокий лоб. Воротник белой рубашки был идеально накрахмален, но на манжетах виднелось едва заметное, старое чернильное пятно. Как будто он писал что-то в спешке и не заметил, как перо царапнуло ткань. Или рука дрогнула.

Он не писал сейчас. Он смотрел на пустые страницы блокнота с такой интенсивностью, будто пытался выжечь на них слова силой мысли. Бумага была дорогой, кремового цвета, с водяными знаками. Он купил этот блокнот вчера в маленькой лавке на Чаринг-Кросс, и его девственная чистота теперь казалась ему оскорблением. Насмешкой.

— Вы уверены, что не хотите чего-нибудь поесть, сэр? — голос официантки прозвучал мягко, почти виновато. Она была молодой, с веснушками на носу и добрыми глазами. Она смотрела на него с той смесью жалости и любопытства, которую Элиан научился распознавать за многие годы.

Он поднял на неё взгляд. Его глаза были серыми, цвета штормового моря, но в них не было бури. Только ледяной штиль. Он улыбнулся — вежливой, отстранённой улыбкой, которая не касалась уголков глаз.

— Нет, благодарю. Я жду человека.

Она кивнула и отошла.

Ждать человека. Звучит почти нормально. Почти как у всех. Но в том-то и заключалась его жизнь — в этом «почти». Почти счастлив. Почти жив. Почти дома.

За окном, на противоположной стороне улицы, стоял человек. Он не прятался. Он просто стоял под чёрным зонтом, держа его абсолютно неподвижно, и смотрел прямо на витрину кафе. На расстоянии Элиан не мог разглядеть его лица, только силуэт: длинное пальто, шляпа, надвинутая на глаза. Абсолютная статика среди движущегося потока мокрых прохожих.

Элиан почувствовал, как на загривке дёрнулась мышца. Только одна. Этот древний инстинкт страха был подобен вспышке молнии в кромешной тьме. Он снова почти ожил. Он замер, вглядываясь в фигуру, но в следующую секунду поток людей разомкнулся, и незнакомец исчез. Растворился в серой мгле, как ложное воспоминание. Или как обещание.

«Паранойя, — подумал Элиан и закрыл глаза. — Классика. Третий месяц. Сначала звуки, теперь видения».

Он открыл глаза и снова посмотрел на свои руки. Длинные пальцы пианиста. Он когда-то играл. Не для публики, нет. Для себя. В старой квартире на Бейкер-стрит, где стены были обиты звукоизоляцией, а в углу стоял рояль «Steinway», доставшийся от деда. Элиан мог играть часами, забывая о времени, забывая о том, кто он такой, забывая о том, что есть мир за пределами этой комнаты.

Он не играл уже три месяца. Три месяца, один день и, он взглянул на часы, четырнадцать часов. Рояль стоял в его нынешней квартире на Пимлико, накрытый чёрным чехлом, как труп. Элиан не мог подойти к нему. Каждый раз, когда он видел его очертания в полумраке гостиной, в груди разрасталась ледяная пустота, и он отворачивался.

Он искал себе другое занятие. Пытался писать. Роман, который он задумал, должен был стать его спасением. Книга о человеке, который теряет себя, но находит путь назад. Иронично.

Он сел за этот стол сегодня, полный решимости начать. Он принёс свой любимый блокнот, стальную перьевую ручку, которую подарила ему мать перед смертью, и даже налил себе воды, а не кофе, чтобы мысли были чище. Но страницы остались пустыми. Потому что если ты не знаешь, как найти дорогу назад, как ты можешь написать об этом? Только ложь. Или обман.

Он провёл пальцем по холодной поверхности кружки, оставшейся от эспрессо. На донышке засохла тонкая коричневая корка. Эстетика распада. Ему нравились такие детали. В них была правда. В этих маленьких, несовершенных следах жизни, которые люди оставляют за собой. Грязная кружка, скомканная салфетка, чернильное пятно на манжете.

Он нахмурился и снова посмотрел на манжету. Пятно было там. Он не помнил, чтобы пачкался сегодня. Он вообще мало что помнил о сегодняшнем утре. Только тяжесть в голове, словно он всю ночь таскал мешки с песком. И странный сон. Ему снилось море. Чёрное, маслянистое море, которое дышало, как живое существо. И голос. Женский голос, зовущий его по имени.

Элиан.

Он вздрогнул.

— Элиан, ты меня слышишь?

Это был не сон. Голос был рядом.

Он поднял голову и увидел перед собой женщину. Она стояла у его стола, сняв мокрый плащ, и смотрела на него с лёгкой тревогой. Тёмные волосы, собранные в небрежный пучок, глаза цвета лесного ореха, тонкие губы, сжатые в линию. На ней был тёмно-синий костюм,

идеально сидящий, и неброские жемчужные серьги. Она была красива той беспощадной красотой, которую дарит усталость и умение держать удар.

— Клара, — выдохнул Элиан, и на его лице появилось выражение облегчения. — Прости. Я замечтался.

— Ты не замечтался, — мягко сказала она, садясь напротив. Она сняла перчатки, и Элиан заметил, что у неё дрожат руки. Она спрятала их под стол. — Ты ушёл. Ты делаешь это всё чаще. Я звала тебя три раза.

— Прости, — повторил он. Слово звучало пусто.

Официантка тут же материализовалась у стола. Клара заказала чай с бергамотом и посмотрела на Элиана. Он не притрагивался к еде, кружка с кофе остыла окончательно, а в его серых глазах по-прежнему стоял тот самый штиль, который пугал её больше, чем если бы он кричал или бил посуду.

— Я ужасно выгляжу? — спросил он, угадав её мысли.

— Ты выглядишь как обычно, — ответила она дипломатично. — Как человек, который не спит уже неделю.

— Я сплю, — солгал он. — Мне просто снятся сны.

Она взяла салфетку и начала машинально складывать её в гармошку. Это был её нервный тик, он знал. Она делала так, когда собиралась сказать что-то важное или неприятное.

— Я видела Маргарет.

Элиан замер. Имя упало между ними, как тяжёлый камень в стеклянный пруд. Рябь пошла по его лицу: сначала лёгкое напряжение вокруг глаз, потом едва заметное подёргивание скулы, потом — ледяная маска. Он взял кружку и отпил холодный кофе, чтобы занять руки.

— Зачем? — спросил он без интонации.

— Она звонила. Сказала, что нашла кое-что из твоих вещей. Старые записи. Твои дневники. Она думала, что они могут тебе понадобиться или… что ты захочешь их забрать.

— Она думала, — эхом отозвался Элиан. — Мило с её стороны. Особенно после того, как она вышвырнула меня из дома, сказав, что я моральный урод и посмешище.

Клара поморщилась. Удар был грубым, но в этом был весь Элиан — он никогда не мог простить. Он делал вид, что ему всё равно, что он возвысился над бытовыми драмами, но каждое слово, каждая обида въедались в него, как кислота.

— Она переживает, Элиан. Мы все переживаем. — Клара посмотрела на него с тревогой. — Прошло полгода. Ты не можешь вечно прятаться в этом вакууме. Ты пишешь книгу, потому что пытаешься что-то сказать. Но ты не говоришь. Ты молчишь. И это молчание тебя убивает.

Она говорила правду. Она всегда говорила правду. Клара была его единственным другом, его редактором, его самым близким человеком — она была всем. Но она не могла понять, что внутри него бушует шторм, такой мощный, что каждое слово выходит наружу искореженным, как щепка после урагана. Поэтому он не говорил. Он боялся, что если откроет рот, то вместо слов вылетит чёрная, маслянистая вода.

— Ты права, — тихо сказал он. — Я пытаюсь что-то сказать. Но мне кажется, я забыл язык.

Она сжала его запястье. В её глазах промелькнула боль. Она дружила с ним уже много лет, с тех самых пор, как он был ещё просто гениальным, но странным студентом в Королевской академии. Она видела его падения и взлёты, видела его свадьбу с Маргарет и его развод. Она была здесь, всегда рядом. Но Элиан был слеп к дружбе. Или делал вид.

— Я хочу, чтобы ты кое-что послушал, — сказал он вдруг, отодвигая блокнот в сторону и доставая из внутреннего кармана пальто маленький диктофон. Старый, пыльный, с царапинами на корпусе.

— Что это? — удивилась Клара.

— Запись. Мне прислали её вчера. Без обратного адреса.

Он нажал кнопку. Из динамика послышался шум, похожий на помехи, а затем — звук. Музыка. Фортепиано. Но это была не обычная музыка. Это был какой-то фрагмент, диссонанс, набор хаотичных нот, сыгранных с яростью. Грубых, почти нечеловеческих.

Клара поморщилась.

— Это ужасно. Что это за какофония?

— Не знаю, — сказал Элиан, и его голос дрогнул. Впервые за сегодня. — Но я знаю, кто это играет.

Он посмотрел на неё. В его серых глазах, наконец, появилась та самая буря. Мутная, страшная, застилающая разум.

— Это я. Или то, что осталось от меня. Только я не помню, чтобы играл это.

Он выключил диктофон. Тишина, повисшая за этим, была такой плотной, что казалось, её можно было резать ножом. Дождь за окном усилился, и крупные капли забарабанили по стеклу, как чьи-то отчаянные пальцы по клавишам.

Клара побледнела.

— Это какая-то шутка? Кто-то пытается тебя напугать?

— Возможно, — кивнул Элиан. — Но проблема в том, что в конце этой записи есть ещё кое-что.

Он снова нажал на кнопку. Последние хаотичные аккорды оборвались. И в наступившей тишине раздался звук. Сначала Элиан сам не понял, что это. Шипение. Затем — голос. Искажённый, низкий, как будто его пропустили через вокодер.

> «Ты забыл, что такое свет, Элиан. Ты прячешься за тишиной, как за стеной. Но я вижу тебя. Я всегда здесь. В каждом пропущенном такте, в каждой пустой странице. Я — тот шторм, который ты носишь внутри. Ты не сможешь избавиться от меня. Потому что я — это ты».

Запись оборвалась. Щелчок.

Клара смотрела на диктофон с нескрываемым ужасом.

— Это бред, — прошептала она. — Это какой-то псих, который следит за тобой. Это из-за книги. Кто-то из твоих бывших, кто хочет отомстить. Надо заявить в полицию.

— Нет, — твёрдо сказал Элиан. — Никакой полиции.

— Почему?!

Он помолчал. Снова посмотрел на пустые страницы блокнота. На чернильное пятно на манжете. За окном, сквозь пелену дождя, ему показалось, что он снова видит ту же фигуру. Чёрный зонт. Неподвижность. Наблюдение.

— Потому что, — сказал он наконец, и его голос звучал мертвенно-спокойно, — я тоже слышу этот голос уже три месяца. В своей голове. Он говорит, что я должен закончить то, что начал. Что я должен написать не книгу, а нечто иное. Послание.

— Какое послание? — спросила Клара, едва шевеля губами.

Он посмотрел ей прямо в глаза. И улыбнулся. Той самой пугающей, потусторонней улыбкой, которая заставила её сердце пропустить удар.

— О том, что мы все уже мертвы. Просто ещё ходим.

Он закрыл блокнот и отодвинул кружку с холодным кофе. Внешне он был абсолютно спокоен — лишь лёгкая усталость на лице, лишь одна непослушная прядь, упавшая на лоб. Но Клара, смотревшая на него, видела этот шторм в его глазах. Он набирал силу. Он вот-вот должен был выплеснуться.

— Пойдём, — сказал он, вставая и накидывая пальто. — Я покажу тебе одну вещь. В моей мастерской.

— Ты не играл три месяца, — напомнила она.

— Сегодня буду, — ответил он. — Кажется, пришло время.

Они вышли из кафе, и холодный осенний ветер ударил им в лица, неся запах гниющей листвы, мокрого асфальта и приближающейся зимы. Элиан шагал быстро, глядя прямо перед собой, а Клара едва поспевала за ним, кутаясь в свой плащ. Дождь хлестал по их зонтам, и в

этом хлесте, в этом шуме, в этом ритме Элиан слышал ту самую какофонию с диктофона. Она была везде. И она была права.

Шторм внутри него больше не был скрыт. Он прорывался сквозь ледяную кору спокойствия, пробивал стену молчания. И сегодня, когда он сядет за свой чёрный рояль, он больше не будет играть Шопена. Сегодня он будет играть голос своего безумия. Ибо только через музыку можно было сказать то, что нельзя было выговорить словами. Только через этот хаос он мог обрести покой.

Они дошли до его дома на Пимлико. Старое здание с облупившимся фасадом, с высокими окнами, за которыми не горел свет. Он отпер дверь, и они вошли в прохладную, пахнущую воском и пылью прихожую. Тишина здесь была не просто тишиной. Она была густой, осязаемой, как вода на глубине. Она давила на уши.

Он прошёл в гостиную, где стоял рояль под чехлом. Клара остановилась в дверях. Она видела эту комнату много раз, но сейчас она казалась другой. Тени ложились странным образом, предметы мебели отбрасывали неестественные, удлинённые очертания. Казалось, что сама комната дышит, ожидая.

Элиан снял с рояля чехол. Чёрный лак блеснул в тусклом свете уличных фонарей, просачивающемся сквозь жалюзи. Крышка была закрыта. Он положил на неё руки. Его ладони лежали неподвижно, он поглаживал холодный лак, как гладят любимое лицо.

— Ты боишься, — тихо сказала Клара.

— Да, — признался он. — Я боюсь того, что может выйти наружу. Но если я не открою эту крышку, оно убьёт меня.

Он поднял крышку. Клавиши были идеально белыми, чёрные — глубоко-чёрными, как бездна. Он сел на табурет, и спина его выпрямилась. Пальцы зависли над клавиатурой. Он задержал дыхание.

В этот момент снова раздался звонок. Но не дверной. Телефонный. Старый телефон, стоящий в коридоре. Элиан не шевельнулся. Клара переглянулась с ним, и он отрицательно покачал головой.

— Не бери, — прошептал он.

Но звонок настойчиво продолжался. Это был не обычный звонок. Он был ритмичным. Два долгих гудка, пауза, ещё один. Как азбука Морзе. Элиан замер, прислушиваясь. И вдруг его лицо исказилось. Он узнал этот ритм.

— Это она, — сказал он.

— Кто она?

— Маргарет. Она звонила мне в тот вечер. За час до того, как я потерял сознание и очнулся в больнице.

Он встал, отошёл от рояля, снова сел. Телефон замолчал. Наступила тишина, и она была оглушительной. Он провёл рукой по клавишам, взяв случайный диссонирующий аккорд. Звук рассыпался по комнате, как разбитое стекло.

— Я должен начать сначала, — пробормотал он, уже не замечая Клару. — С самого начала. С того дня, когда всё пошло не так.

И он заиграл. Но не мелодию. Он заиграл страх. Ноты рвались из-под его пальцев, как звери из клетки. Это была не музыка, это было рождение хаоса. Но в этом хаосе, если прислушаться, слышалась структура. Слышался рассказ. Слышалась та самая книга, которую он так и не начал писать. Он писал её сейчас. Музыкой.

Клара смотрела на него, прижав руку к груди. Она видела, как на его лице проступает пот, как вздымаются плечи, как пальцы изрезают клавиатуру с маниакальной точностью. Она видела шторм. Он вырвался наружу.

И она видела, как в окне, за его спиной, на мгновение мелькнул силуэт. Человек в шляпе. Чёрный зонт. Он стоял на улице, под дождём, и слушал эту какофонию с таким видом, будто она была прекраснейшей из симфоний.

Элиан ничего не замечал. Он был там. Внутри своего личного ада, который он пытался спасти музыкой. Или же, наоборот, погубить ею окончательно.

Он играл долго. Когда он остановился, его руки дрожали, а по лицу текли слёзы. Он не плакал. Это просто организм реагировал на выход той чёрной энергии, которая переполняла его. Клара подошла к нему и положила руку на плечо. Он не обнял её в ответ. Он просто сидел и смотрел на клавиши.

— Это начало, — сказал он. Голос его звучал сухо, надорванно, но в нём больше не было штиля. Только пепел бури.

— Начало чего? — еле слышно спросила Клара.

Он поднял на неё взгляд. И в этих серых глазах, наконец, появился тот самый шторм. Огромный, пугающий, всепоглощающий.

— Начало моего романа. Только он больше не будет про слова. Он будет про то, как человек учится выживать в собственном безумии. Или не учится.

Он взял блокнот, который всё ещё лежал на столе, и вырвал первый лист. На нём было пусто. Но Элиан взял ручку и написал всего одно предложение:

> «В день, когда я перестал слышать музыку, я услышал голос самого себя — и он был безжалостен».

Он отложил ручку и посмотрел в окно, где, как ему казалось, стояла та самая фигура. Человека уже не было. Только мокрый асфальт и свет фар проезжающих машин. Но Элиан знал, что шторм не ушёл. Он был внутри. Он всегда был внутри. И теперь, наконец, он признал это.

Дождь стих. Наступила та самая тишина между тактами. Та, которая длится долю секунды, но в которой заключена целая вечность. Элиан закрыл глаза, и его пальцы снова легли на клавиши. Но он не играл. Он ждал. Потому что знал: следующий такт будет самым трудным.

# Часть вторая. Память

Элиан проснулся от того, что кто-то дышал ему в затылок. Ровное, глубокое дыхание, почти шёпот, смешивающийся с шумом воды в старых трубах. Он лежал неподвижно, прислушиваясь. Сердце колотилось о рёбра, но он заставил себя не открывать глаза, не оборачиваться. Это был не сон. Это была та самая граница, где явь перетекает в безумие, и он знал, что если сейчас повернётся и ничего не увидит, он сойдёт с ума окончательно. Если же увидит — он умрёт от страха.

Дыхание прекратилось. Тишина в комнате стала абсолютной, даже вода в трубах затихла. Элиан медленно, сантиметр за сантиметром, приоткрыл один глаз. Серый свет лондонского утра просачивался сквозь щель в шторах, рисуя на потолке дрожащую полосу. Никого. В комнате никого не было. Только его собственное отражение в старом зеркале на комоде — бледное, с растрёпанными волосами и тёмными кругами под глазами.

Он сел на кровати и провёл ладонью по лицу. Пальцы пахли роялными клавишами — лёгкий запах слоновой кости, дерева и металла. Вчерашняя ночь стояла перед глазами: он играл до тех пор, пока пальцы не начали кровоточить. Играл, пока небо за окном не начало светлеть. А потом, обессиленный, просто упал на диван в гостиной, не дойдя до спальни. Но сейчас он был в спальне. В своей кровати. Под одеялом. Он не помнил, как сюда попал.

«Клара, — подумал он. — Должно быть, Клара. Она осталась, уложила меня и ушла». Но в голове не было ни единого образа. Провал. Чёрная дыра в памяти протяжённостью в несколько часов.

Он посмотрел на свои руки — они были чисты, без крови, но кончики пальцев горели, будто он действительно играл до мозолей. На тумбочке лежал листок бумаги. Он схватил его. Почерк был женским, аккуратным, с лёгким наклоном:

> «Элиан, ты уснул за роялем. Я помогла тебе дойти до кровати. Ты бормотал во сне что-то про море и про белую комнату. Я забрала диктофон, чтобы проверить, нет ли на нём следов монтажа. Позвони мне, когда проснёшься. Ты не должен оставаться один. Клара».

Он скомкал бумагу, потом разгладил её и перечитал. Белая комната. Море. Он не помнил, что бормотал. Но внутри что-то дрогнуло — как будто эти слова касались давно забытой двери, которую он запер и потерял ключ.

Он встал, накинул халат и вышел в коридор. Квартира встретила его запахом затхлости и старого дерева. На рояле всё ещё была поднята крышка, ноты на пюпитре были разбросаны, словно от порыва ветра. Но ветра не было. Окна были закрыты.

Он подошёл к инструменту и замер. На сиденье, на том месте, где он сидел ночью, лежала фотография. Старая, выцветшая, с зубчатыми краями. На ней был запечатлён дом: большой, викторианский, с башенками и тёмными окнами, стоящий на утёсе над серым морем. Элиан знал этот дом. Это был дом его бабушки, в Корнуолле. Там он провёл каждое лето своего детства. Там он научился играть на рояле. Там впервые услышал голос, который потом преследовал его всю жизнь.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.